

АЛЛА БОТНИКОВА

ОТКРЫТЫЙ ВЗГЛЯД

Еще кого не досчитались вы...

А.С. Пушкин

В шестом номере «Университетской площади» был опубликован материал, под названием «Сказка о тройке». Рассказ о трех друзьях-однокурсниках, бывших студентах филологического факультета – Валентине Семенове, Владимире Сисикине, Вадиме Кулиничеве – и законченные тексты или отрывки из написанного ими. Талантливо всё: и вступительное слово публикатора (Дмитрий Дьяков), и прилагаемые тексты. Троица была действительно замечательная. Университет вправе гордиться такими выпускниками. Безумно жаль, что все так рано ушли из жизни...

Продолжим традицию и поговорим еще об одном бывшем нашем студенте. Речь идет о Марке Бенте. Его тоже уже нет в живых. Он скончался в декабре 2011 года. Еще одна потеря. Талантливый был человек, один из редеющего племени российских германистов. Из тех настоящих ученых, мнению которых можно абсолютно доверяться: не подведет; в любой работе все факты тщательно проверены, все выводы обоснованы, мысль нестандартна и глубока. У тех, кто его знал, он в памяти останется надолго. Потому что с самой юности был личностью, самостоятельно думающей и способной на поступок.

Марк Бент. Астрахань. Май 1955 года.
Выпускник школы. Перед поступлением
в Воронежский университет

Собственно, писать воспоминания более пристало бы ему обо мне, а не наоборот. Я старше его по возрасту и, так сказать, по первоначальной расстановке наших фигур на жизненном поле. Я преподаватель, он студент. Марк когда-то учился на филологическом факультете, но не закончил его. Исключили. Так сложились обстоятельства. Учился недолго, но запомнился всем. Не так давно его соучастники праздновали юбилей своего расставания с университетом. Пригласили и меня. Марка вспоминали много.

Курс, на котором он тогда учился, на факультете славился, там было много студентов, по-настоящему сильных. Не только Бент, но и другие его однокурсники позже полу-

чили известность за пределами Воронежа: можно вспомнить Инну Ростовцеву, Альберта Иванова и др. Много было просто инициативных и стремящихся учиться людей. Время было особое – середина и конец 50-х годов. Студенты той поры как раз и составили поколение, получившее впоследствии название шестидесятников. Как бы ни относиться к шестидесятникам, их значение в истории нашего общества неоспоримо. Они были первыми, кто, хоть и достаточно робко, но осмелился противопоставить собственную точку зрения официальным

установкам, защищаемым всей мощью полицейского государства, всеми его институтами. Для того времени – немало.

Несмотря на многих талантливых студентов на курсе, Марк все-таки задерживал на себе внимание. Трудно определить – чем. Выделиться он явно не старался. Скорее, напротив. Больше молчал. Был неулыбчив. Вспоминаю сейчас его узкое, как бы слегка сдавленное между ушей лицо, внимательный взгляд небольших темных глаз... Ничего особенного. И все-таки было что-то, что останавливало взор. Наверное, именно эта закрытость и какая-то внутренняя сосредоточенность. Лучше сказать о тогдашнем своем ощущении не умею. Словом, Бент был замечен. О нем говорили.

...Пошли слухи, что он кому-то сказал: «Ленин мне не икона», что отказывался идти на выборы – крамола по тем временам немыслимая. Могло и совсем плохо кончиться. Правда, к этому времени был уже позади XX съезд партии, культ личности Сталина разоблачен, наступило некоторое послабление, известное под названием «оттепели». Послабление, впрочем, недолгое. В октябре того же 1956 года вспыхнуло восстание в Венгрии, политическая цензура усилилась. Власть испугалась. Начались гонения на еще очень слабые ростки общественной инициативы.

Надо же было так случиться, что студенты того курса, где учился Марк Бент, как раз в эту пору решили издать рукописный журнал. Не исключаю, что Марк был инициатором этого издания, но участников там было много. Свое намерение они осуществили. Как мне помнится, журнал назывался «Открытый взгляд». Марку же, судя по его воспоминаниям, запомнилось другое название: «Свежий ветер» (см.: Марк Бент. Я весь литература. Статьи по истории и теории литературы. СПб., 2013. С. 8.). Сокурсница Марка, Инна Ростовцева, как один из вариантов названия журнала вспоминает «Фокус», а другой сокурсник, Альберт Иванов, настаивает на названии «Глаз» (см.: litrossia.ru/2007/31-32/01757.html). Реальная история мифологизируется на наших глазах. Видимо, редакторы колебались в выборе. К сожалению, оригинал не сохранился. Но свидетели еще живы и могут прояснить ситуацию. Как бы то ни было, обложка свидетельствовала в пользу «Открытого взгляда». На ней была изображена пара широко раскрытых светлых глаз. Смотрят поверх толстой доски, косо прибитой парой мощных гвоздей. Всего лица не видно, только глаза (художник – Светлана Щёкина, тоже интересная была девочка). Метафора прозрачна. Обложка впечатляла. Детище явно было выпестовано с любовью и тщанием.

Что касается содержания, то в нем ничего кра-мольного, насколько я помню, не было. Никакой политики. Только вопросы культуры. Какие-то про-заические отрывки, стихи, переводы, эпиграммы, карикатуры на сверстников. Сам Бент выступил со статьей о сохранившихся в Воронеже памятниках архитектуры, их стиле. Однако сам факт, что студенты без согласования с вышестоящими организаци-ями отважились на такое, уже заставил начальство встрепенуться. Было приказано разгромить журнал. И старались. Велели выступить всем преподавателям. Я отделалась легко, потому что среди публиковавшихся под незнакомым именем стихов был напечатан (или переписан от руки – не помню) «Гамлет» Пастернака. К тому времени он существовал только в рукописи. Этого стихотворения еще никто не знал. А я уже была с ним знакома. Поэтому с чистой сове-стью поругала плагиатчика, имени которого студен-ты так и не открыли. Много позже публикатор мне признался сам. Им оказался Валерий Мартынов, в то время студент-геолог, писавший стихи и часто выступавший на университетских «Днях поэзии». Он объяснил, что просто хотел познакомить окру-жающих с хорошим стихотворением.

Тучи над Марком сгущались. Я поняла, что его надо было спасать, для этого чем-нибудь его увлечь. Нам, людям старшего поколения, были ясны ожидающие его неприятности. Молодые с этим не были знакомы. Вызвала Марка. Мы долго с ним беседовали, сидя в пустой аудитории. Не помню, что я ему говорила, но о неразумности его поведения речь, конечно, шла. Выяснялись и художественные вкусы. Тогда только что начал выходить журнал «Иностранная литература» (до войны он выходил под названием «Интернациональная литература»). Марк следил за ним. Договорились, что он напишет доклад и прочтет его на собрании литературного кружка. По-моему, речь шла о Стейнбеке.

К сожалению, опоздала. Доклад Марк написать не успел, его отчислили, в вину ему ставили и ан-тисоветские высказывания, и нежелание считаться с мнением старших, и неуважение к коллективу. Фор-мулировка страшноватая, даже по тем временам. Шел 1957-й год...

Наш единственный за время его пребывания в Воронеже разговор мне запомнился. Человек, сидевший передо мной, тогда открылся мне какой-то новой гранью. Обычно молчаливо-хмурый, он в процессе беседы как бы оттаял, стал мягче, улыб-нулся и сказал неожиданные для меня слова: «Вы говорите, как моя мама». Меня эти слова и тронули, и задели. В то время я совсем не чувствовала себя «мамой» такого великовозрастного человека. По

М. Бент у стены кладбища, на котором похоронена
М. Цветаева. Елабуга. 1978 год

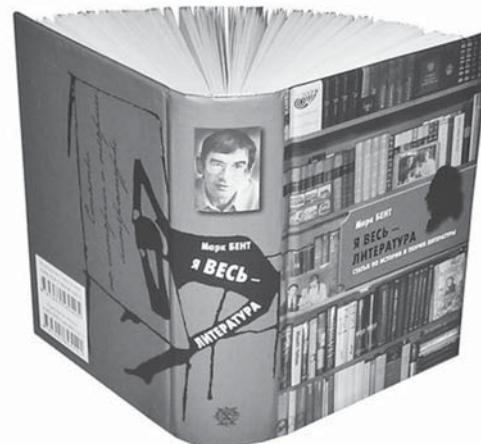
крайности могла довольствоваться ролью старшей сестры. Удивилась.

Диссидентом Марк, конечно, не был. Тогда и слова «диссидент», пожалуй, в широком обиходе еще не существовало. Как и самого явления. Оно ведь изначально предполагает не просто общественную активность, а открыто заявленное, публицистически оформленное несогласие. Бент, скорее, действовал от себя и для себя, просто выражая свое право на самостоятельную точку зрения.

О дальнейшей его судьбе я мало что могу рассказать. Знаю, что пришлось нелегко. Испробовал разные профессии, работал на металлургическом заводе, на почте. Учился заочно. Окончил университет в Ростове-на-Дону, преподавал в сельской школе. Затем защитил две диссертации, кандидатскую и докторскую, последние десятилетия возглавлял кафедру в Челябинском университете...

После исключения Марк исчез, не попрощавшись. Просто уехал и пропал надолго. Связь между нами все-таки сохранилась, но доверительной близости не возникло. Хотя токи взаимного притяжения, видимо, все-таки существовали. Через несколько лет после того разговора я получила от Марка письмо, где он писал, что окончил университет, занимается немецкой литературой и просит меня написать рецензию на его статью. Если я правильно помню, это была работа о новелле Томаса Манна «Марио и волшебник». Рецензию я написала, статья была напечатана. С такими же просьбами он неоднократно обращался ко мне и потом.

Встречались мы редко, обычно на конференциях в разных городах, особых разговоров не припомню. Однако во время защиты его докторской дис-

Книга статей профессора М.И. Бента, вышедшая
в 2013 году

сертации, где я выступала официальным оппонентом, Марк назвал меня своим первым учителем. Не думаю, что это точно и справедливо. Сомневаюсь, что у него вообще были учителя. Едва ли кто-то мог считать себя таковым. Он изначально был замкнут в себе, в подсказках не нуждался, доходил до всего самостоятельно.

Так случилось, что наши научные интересы совпали. Его тоже интересовал тот период в развитии немецкой литературы, который, с легкой руки (или лучше сказать – с легкого пера) Генриха Гейне называется «эстетическим». Это, по сути, **золотой век** немецкой литературы. Гете и романтики были предметом научных забот Марка Бента, я тоже занималась близкими проблемами. Поэтому вполне профессионально могу судить о его научной деятельности. Повторюсь, она заслуживает всяческого уважения. Бент-ученый не только оригинально мыслил, не только хорошо владел материалом, но и обладал способностью его точного научного изложения.

Его монографии – Немецкая романтическая новелла: Генезис. Эволюция. Типология (Иркутск, 1987) и «Вертер, мученик мятежный...»: биография одной книги (Челябинск, 1997) – классика отечественной германистики. Студенты, занимающиеся сходными проблемами, хорошо знают их. Есть и другие работы. Начинающим исследователям его книги и статьи можно рекомендовать как образец. Выверенная композиция, широкие ассоциации («открытый взгляд»!), слово внятное и точное, мысль полностью укладывается в формулировки. Видно, что автор – один из тех исследователей, которые стремятся не к самовыражению, а к пониманию.

Понятно: профессор Марк Иосифович Бент многие годы преподавал историю зарубежной литературы в разных вузах нашей страны. Скорее всего, именно благодаря этому обстоятельству он научился просто и доступно говорить о сложном и глубоком. Благодаря свежести и оригинальности мысли, его книги и научные статьи, как мне кажется, никогда не утратят своего значения.

В последние годы Марк Бент проявил себя еще и как талантливый переводчик. Перевод требует особой одаренности. Переведенные им книги тоже навсегда останутся в нашем научном обиходе. И еще: Бент был человеком широких интересов. Близкие после его кончины опубликовали сборник его статей, опубликованных в разных местах и в свое время, к сожалению, мало ком замеченных. Книга вышла под названием «Я весь – литература» (СПб., 2013). Там содержатся размышления отнюдь не только о немецкой словесности. Автор пишет и о Диккенсе, и Марке Твене, и Стендале... И о Чехове тоже. Из этой последней книги видно, что, будучи крупным ученым, Бент не гнушался обыкновенным просветительством, читал публичные лекции, выступал в газетах, принимал активное участие в культурной жизни города. Гражданское самосознание было свойственно ему всегда. Факты истории литературы в его интерпретации звучат удивительно современно. Он соединяет в себе и строгого теоретика, и публициста. Глубокий анализ творчества Кафки сопровождается следующим замечанием: «В эпоху, когда ксенофобии разного рода (национальная, партийная, классовая и т.д.) опустошают целые страны, в пророчестве Кафки всякий волен делать собственные постановки, ибо здесь выявлен господствующий принцип. Как только человек перестает видеть в другом своего брата, уничтожение себе подобных превращается в «техническую проблему»... А спектакль по известной пьесе Чехова навел его на следующие размышления: «Можно себе представить, как много наших современников узнают себя в дяде Ване: ли-

беральные разговоры по кухням, полупрофессионализм (а чаще профанность) на службе и жалобы на «безвременье», на «среду», на отсутствие «свободы» и стимулов к «деятельности». Новое время пришло, и оказалось, что эти люди ему не нужны».

Научный образ Марка Бента мне ясен, а вот, когда я думаю о Бенте-человеке, о его внутреннем содержании, многое остается туманным. Он выглядел замкнутым, даже, пожалуй, угрюмым, улыбался редко, не раскрываясь навстречу собеседнику. Жизненный опыт приучил к осторожности. Знаю, что на конференциях коллеги опасались его вопросов. Умел, видимо, подметить и обнаружить слабое место. К себе близко не подпускал. Но это, как представляется, было скорее внешней формой поведения. Внутри явно пряталось что-то иное. Проглядывала теплота, даже какая-то незащищенная. Однажды во время одной из наших редких встреч я его спросила о семье. Сказал, что женат, что у него – дочь и произнес, растягивая первый слог: *Ма-а-нечка*. Внезапно и совершенно неожиданно вырвались наружу тепло, нежность, ласка...

Наши встречи, как я уже говорила, были эпизодическими. В таких условиях узнать друг друга трудно. После защиты пришел ко мне с бутылкой шампанского, познакомил с женой. Однажды сообщил, что «Аля» стала очень успешной. Но вообще никогда не вдавался в интимные подробности своей жизни, только время от времени сообщал о новостях. Писал, в частности, что стажируется в Германии. Кажется, в Констанце. Прислал буклет, изданный к его 70-летию.

В последние годы наша переписка почти прекратилась, да особенно интенсивной она никогда и не была. Скорее всего, об этом стоит пожалеть... Но так уж сложилось.

Сейчас, размышляя обо всем, думаю, что Марк прожил хорошую и честную жизнь. В науке он оставил заметный след, а в памяти людей, его знавших, останется светлым явлением.